

A romantic scene featuring a man and a woman in 19th-century attire. The man, with a beard and wearing a dark suit with a white cravat, stands on the left, looking at the woman. The woman, with long brown hair and a floral headband, wears a long, flowing pink dress and looks back at him with a smile. They are standing in a garden with large pink roses and a stone balustrade. The background shows a sunset sky with birds flying. The entire scene is framed by a dark border.

ЕКАТЕРИНА МОРДВИНЦЕВА

ЛЮБОВЬ ЗЛА,
ИЛИ КАК НАФЕЯЧИТЬ
ПО-КРУПНОМУ

Екатерина Мордвинцева Любовь зла, или Как нафеячить по-крупному

<https://litres.ru/74211359>

Аннотация

ВНИМАНИЕ! Гильдия магического надзора предупреждает: фея Талия Листоверт опасна для общественного спокойствия, муниципального имущества и здравого смысла. Куратору Кельвину Торну поручено её обезвредить или задокументировать. Результат: досье о восставшем тесте, памятнике-утке, драконе-моднике и неконтролируемых чувствах. Отчёт прилагается. Любовь зла. Особенно с бухгалтерским приложением.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	40
Глава 6	47
Глава 7	55
Глава 8	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Глава 1

Солнце над Фейрилендом светило не просто жизнерадостно — оно излучало ту наглую, беспечную бодрость, которая бывает только у существ, совершенно не знакомых с понятием «дедлайн», «магический аудит» и «внезапное превращение прически в интеллектуальный салон». Его лучи нахально бликовали в идеально вымытых витринах салона красоты «Эльфийский шик и Ничего Лишнего», где в данный момент и разворачивалась трагедия, по масштабам приближающаяся к малому апокалипсису. Имя ей, как водится, было Талия.

Я, Талия, фея исполнения мелких бытовых желаний третьего разряда (и гордый обладатель значка «За попытку», полученного после инцидента с ожившим веником и его нездоровой любовью к чистоте), стояла в центре роскошного зала и чувствовала, как по спине бегут мурашки, по размеру и скорости не уступающие скаковым пони. Передо мной, перед огромным зеркалом в раме из резного ясеня, билась в эстетических конвульсиях эльфийка Айрин. Её уши, изящные и заострённые, дрожали от негодования.

— Талия, взгляни! Просто взгляни собственными, как бы это помягче... крыльями! — её голос, обычно напоминавший переливы серебряных колокольчиков в лунную ночь, теперь скрипел, как колесо телеги, нагруженной кирпичами

разочарования. — Я внятно изъяснила своё желание: «Лёгкие, воздушные волны, томно ниспадающие на мои хрупкие плечи, с едва уловимым перламутровым отсветом, как на внутренней поверхности раковины моллюска Анадиомене в час рассвета»! А это что?!

Она яростно тыкала длинным, ухоженным пальцем в отражение своей головы. «Это» было гнездо. Не метафорическое, а самое что ни на есть настоящее. Большое, сложно-сплетённое, уютное сооружение из её же некогда великолепных волос, которые теперь походили на блестящую, уложенную идеальными рядами солому цвета спелой пшеницы. И в этом гнезде, как три мудрых судьи на заседании верховного совета, восседали совы.

Не милые сказочные совушки с большими глазами, а солидные, деловитые птицы с видом университетских профессоров, застигнутых врасплох во время подготовки к лекции. На их клювах красовались миниатюрные очки в тонкой оправе, а взгляды излучали холодную, аналитическую ясность.

Одна из них, самая крупная, с пучками перьев над глазами, напоминавшими насупленные брови, щёлкнула клювом. Звук был таким чётким и властным, что даже я невольно выпрямилась, как провинившаяся первокурсница.

— Конструкция, — начала она басом, в котором звенели нотки глубочайшего профессионального разочарования, — вызывает, мягко говоря, вопросы. Базовая устойчивость

обеспечивается, да. Но о эргономике речь не идёт. Гнездо вашей кухни, фрау Айрин, в старом тисовом дубе у Просеки Ветров, демонстрирует куда более изощрённую технику плетения «зигзаг с подкрутом». Здесь же виден явный поспешный примитивизм.

Вторая сова, поменьше и стройнее, поправила очки крылом и зыркнула на меня жёлтым, пронизывающим глазом:

— Материаловедение — это вообще отдельная песня. Волокна хоть и обладают природным блеском, но обработка грубая. Чувствуется полное отсутствие концептуального подхода. Ни тебе лаконичности модерна, ни вызова авангарда. Банальный дилетантизм.

Третья, казавшаяся самой уставшей от всей этой суеты, просто вздохнула так, что у неё взъерошились перья на груди:

— И главное — «перламутровый отсвет»? Где он? Я наблюдаю лишь жалкую попытку симулировать его за счёт поверхностного глянца, вероятно, остаточного эффекта от вашего эльфийского кондиционера с жемчужной пылью. Полное фиаско в части цветопередачи. Разочарование.

Я стояла, бессмысленно сминая в руках свой официальный сертификат на пергаменте, который гласил: «Талие Листоверт разрешается практика магии уровня «Бытовая Радость и Уют» (с отметкой о прохождении курса «Контроль над побочными эффектами: теория и надежды»)». Курс, я вспомнила, я провалила, сдав вместо итогового заклинания

на приручение стихийного вихря для сушки белья эссе на тему «Почему магия — это, в первую очередь, ответственность». Эссе было трогательным. Практика — ужасающей.

— Айрин, свет очей моих... — начала я, используя стандартный зачин для успокоения клиентов.

— Не «свет очей»! — взвизгнула она, и совы на её голове неодобрительно захлопали крыльями, поднимая облачко пылинок из-подсохшего лака для волос. — Я заказала эту укладку для свидания! Сегодня! С принцем Альдэроном Чистокровным! Он ценит утончённость, поэзию односложных взглядов и тишину, нарушаемую лишь шелестом шёлка! А теперь я — ходячий симпозиум по прикладной орнитологии и архитектуре! Он подумает, что я готовлюсь к профессорской степени, а не к романтическому ужину!

Магия. Моя чудесная, непостижимая, коварная, как липкий стул после чужого заклинания на щедрость, магия. Я честно старалась. Я зажмурилась, представила не просто волны, а именно что лёгкие, томные. Я вызвала в памяти образ моря у берегов Зачарованного залива — ласкового, игривого, с переливами света на мелкой ряби. Я даже добавила мысленную нотку аромата морской соли и свободы. Но где-то на полпути между мозгом и кончиками моих крыльев (которые в моменты концентрации непроизвольно подёргивались) случился знакомый сбой. Видимо, нейрон, отвечающий за «перламутр», по старой памяти связался с нейроном «пуговицы» (на плаще у моего преподавателя магии были

такие перламутровые пуговицы, на которых были выгравированы совы — символ мудрости). А от «сов» до «гнезда» рукой подать. И вот финал: не укладка, а готовое жильё для пернатой интеллигенции.

— Я всё исправлю! — выпалила я с энтузиазмом, рождённым в чистом горниле паники. — Прямо сейчас я уговорю этих уважаемых птиц на деликатное переселение! Без сучка, без задоринки! И без перьев! Я имею в виду, лишних перьев!

— Уговорите, — прошипела Айрин, и в её глазах засверкали зелёные молочницы мести. — И чтобы ни пылинки! Ни одного намёка на то, что на моей голове пять минут назад проходил съезд философов!

Собрав остатки достоинства (они тихо лежали в углу, рядом с упавшим бантиком от моего фартука), я приблизилась к живой причёске. Совы насторожились, повернув ко мне три пары непроницаемых глаз.

— Дорогие... мудрые... глубокоуважаемые... птицы, — зашебетала я, стараясь, чтобы голос звучал как мёд, а не как забродивший сироп. — Я понимаю, что вы обрели здесь временный... э-э-э... интеллектуальный приют. Но, возможно, вас заинтересует альтернатива? Просторный, дубовый скворечник ручной работы? С панорамным видом на яблоневый сад мэра? И с пожизненным абонементом на мышей в шоколадной глазури? Я слышала, это нынче в моде у продвинутой орнито-богеми.

Сова-интеллектуал медленно, с достоинством повертела

головой на все триста шестьдесят градусов (от чего у меня слегка закружилась голова) и вернула взгляд на меня.

— Предложение, безусловно, заслуживает внимания, — произнесла она. — Однако его расплывчатость граничит с легкомыслием. Каков точный метраж предлагаемой недвижимости? Предусмотрен ли камин? Имеется ли встроенная библиотека для вечернего чтения? И, что ключевое, кто является поставщиком этих глазированных грызунов? Есть ли у вас сертификат АСО-9001 на процесс шоколадирования? Гарантируете ли вы отсутствие в их составе транс-жиров и излишков сахара, вредных для нашего оперения?

Я открыла рот, но никакой связной мысли, кроме отчаянного «ААА!», в голове не возникло. В этот момент спасительно, как удар гонга, раздался звонок на двери салона. Мелодичный, но сейчас прозвучавший как погребальный перезвон.

В дверях стоял гном. Не просто гном, а гном-курьер Гильдии Магического Надзора и Налогообложения. Его ливрея — тёмно-бордовая, цвета старого вина и неотвратимой судьбы — была безупречно выглажена. На фуражке красовалась эмблема: скрещенные жезл и абакус. Его борода была заплетена в сложную косу, в которую вплетены были не ленты, а, кажется, миниатюрные пергаментные свитки с параграфами устава. Он окинул взглядом помещение: рыдающая эльфийка с совиным салоном на голове, фея в позе молящегося грешника, три пернатых критика. Ни одна морщинка на

его каменном лице не дрогнула. Гномы этой службы были воспитаны на худших кошмарах магических происшествий; наш скромный хаос был для них уровнем «вторник».

— Талия, фея, практикующая под лицензией БРУ-345-Ж? — отчеканил он голосом, напоминавшим стук камня о камень.

— В данный исторический момент, — попыталась я пошутить, чувствуя, как шутка падает в гулкую пустоту, — я, скорее, практикующий специалист по созданию спонтанных микро-экосистем с интеллектуальным компонентом.

— Не умничать, — отрезал гном. — Вам. Срочно и в руки. От Канцелярии Старшего Аудитора.

Он протянул мне свиток, но не простой. Он был из плотного, дорогого пергамента, свёрнут в тугой рулон и запечатан не просто сургучом, а целой батареей печатей: синей (Гильдия), серебряной (Департамент Рисков) и чёрной, с изображением перечёркнутого весёлого колпачка (Отдел Пресечения Несанкционированной Радости). Вес его был ощутимо тяжелее, чем должна быть бумага.

Гном, не дожидаясь ответа, развернулся на каблуках (раздался чёткий, как выстрел, щелчок) и засеменил прочь, оставив в воздухе шлейф запаха старого пергамента, чернил и беспристрастности.

Я медленно, будто разминируя бомбу, развернула свиток. Каллиграфический почерк, лишённый каких-либо эмоций, выводил:

«На основании статей 45-Г, 67-В/б и Приложения «Катастрофы малой и средней руки» Регламента... В связи с участвовавшими инцидентами (см. досье: «Инцидент с говорящим и обидчивым фонтаном», «Инцидент с агрессивным-влюбчивым плющом», «Инцидент с материализацией облака, источавшего пессимизм»... и проч.)... приводящими к материальному ущербу, моральным страданиям граждан, а также к непредсказуемым экологическим и философским последствиям... К вашей деятельности назначен ПЕРСОНАЛЬНЫЙ АУДИТОР для всесторонней оценки эффективности, рентабельности и общественной опасности... Аудитор: КЕЛЬВИН ТОРН, старший инспектор первой категории, кавалер Ордена Засушенной Слезы (за экономию бюджетных средств на ликвидации магических последствий). Прибудет для проведения начальной оценки завтра, к полудню. Рекомендуются обеспечить полный и беспрепятственный доступ ко всем местам совершения магических актов за отчётный период (последние три лунных цикла). Невыполнение предписания влечёт за собой немедленную приостановку лицензии и принудительную сдачу крыльев в магический залог.»

Последняя фраза заставила меня рефлекторно сжать плечи, почувствовав под одеждой лёгкое, паническое дрожание собственных, нежно-голубых крылышек. Сдать крылья в залог! Это всё равно что попросить гнома сдать на хранение бороду!

Имя «Кельвин Торн» отозвалось в моей памяти глухим эхом. О нём ходили легенды. Он был тем, кто подсчитал точную стоимость ущерба от «Великого Наводнения Слёз Русалки» и выставил счёт её жениху. Он был тем, кто доказал, что единорог, поцарапавший карету лорда-мэра, нарушил не только ПДД волшебных троп, но и статью о порче муниципального имущества. Его называли «Гибелью Надежд», «Живым Отчётом» и «Тем, Кто Заставит Тебя Плакать, а Потом Оштрафует за Несанкционированное Увлажнение Общественного Воздуха».

И он придёт. Сюда. Завтра. Со своими чек-листами, весами для взвешивания нанесённого ущерба и, я не сомневалась, собственными счётами, вшитыми в складки плаща.

Я опустила свиток. Бумага шелестела, как предсмертный вздох моей карьеры. В салоне воцарилась тишина, нарушаемая лишь сдавленными всхлипами Айрин и методичным постукиванием клюва одной из сов по краю гнезда — она, кажется, проверяла его на прочность.

Сова-скептик нарушила молчание:

— Гильдия. Абсолютный тормоз для любого творческого процесса. Их подход убивает самую суть магии — её непредсказуемость. Вашу ситуацию, фрау Талия, я, как беспристрастный наблюдатель, оцениваю, как системный кризис, усугублённый административным произволом.

Айрин, увидев моё бледное лицо, внезапно перестала плакать. В её глазах мелькнуло нечто, отдалённо напоминающее

удовлетворение.

— Ага, — протянула она с какой-то горькой сладостью. — Теперь и ты почувствуешь, каково это. Когда твои прекрасные ожидания сталкиваются с суровой отчётностью.

Я посмотрела в окно. Солнце, не ведающее о бюрократии и аудитах, продолжало своё наглое, беззаботное путешествие по небу Фейриленда. Оно ещё не знало, что с завтрашнего полудня его лучам предстоит освещать не просто очередной магический конфуз. Им выпала честь быть свидетелями начала Великого Противостояния. С одной стороны — безупречная, отточенная, леденящая душу логика. С другой — стихийный, ослепительный, совершенно неподконтрольный здравому смыслу хаос.

И хаос, позволю себе напомнить, — это была я. Со всеми моими благими намерениями, кривыми крыльями и совиным гнездом на совести. Господи (и все магические советы), помоги мне. Или, ещё лучше, помоги ему — Кельвину Торну. Ему это понадобится куда больше.

Глава 2

Если бы ад существовал, он был бы выкрашен в цвет скучно-бежевых обоев, пах бы пылью, старым пергаментом и подавленными вздохами, а вместо вечного огня в нём горели бы аккуратные ряды зелёных ламп настольных светильников. Или, как его называли сотрудники, «кабинет №304 Департамента Магического Аудита и Оценки Рисков».

За столом, который походил не на мебель, а на геометрическое утверждение о превосходстве прямых углов над кривыми линиями жизни, сидел Кельвин Торн. Бывший инквизитор (уволенный по сокращению штата в связи с «общим снижением уровня ереси и демонической активности, неудовлетворяющим плановые показатели отдела»), а ныне — старший инспектор-аудитор первой категории. Его главное оружие теперь не освящённая сталь, а отточенный до бритвенной остроты карандаш. Его доспехи — костюм-тройка из серой шерсти, не принимавший складки даже под давлением вселенской скуки. Его вера — в точность, отчётность и неумолимую логику цифр.

В данный момент Кельвин изучал досье. Толстая папка с грифом «Талия Листоверт. Фея. Кат. БРУ-345-Ж. УРОВЕНЬ УГРОЗЫ: ХРОНИЧЕСКИЙ ХАОС (с тенденцией к эскалации)».

Его лицо, напоминавшее клинописную табличку с высе-

ченными на ней вечными истинами о бренности бытия, осталось непроницаемым. Только едва заметное подёргивание левой брови выдавало внутреннюю бурю. Бурю расчётов.

Он вёл таблицу.

| Дата | Инцидент | Прямой ущерб (в зол. кронах) | Косвенный ущерб (моральный, репутационный, экологический) | Коэффициент абсурдности (от 1 до 10) | Примечания аудитора |

| 1 | Лунации | Попытка оживить увядшую герань у миссис Брум. Результат: герань обрела сознание, дар речи и глубокую экзистенциальную тоску. Обвинила хозяйку в «тюремном содержании». Сбежала, разбив по пути окно. | 15 (окно) + 5 (терапия для миссис Брум) | Не поддаётся точной оценке. Растительный экзистенциальный кризис может повлиять на локальную флору. Зафиксирован случай, когда роза под окнами загрустила и перестала цвести. | 7 | Растение сбежало в лес. Мониторить на предмет возможной организации протестного движения флоры. |

| 2 | Лунации | Заказ: «Хочу, чтобы мой кот был ласковее». Кот обрёл способность говорить комплименты на семи языках, но только похабного содержания. Оскорбил посла эльфов. | 50 (штраф за дипломатический инцидент) + стоимость услуг экзорциста для кота (безуспешных). | Репутационный ущерб для города. Кот, по слухам, пишет мемуары. | 9 | Животное изъято. Проходит курс реабилитации у психолога для полевых существ. Языковые способности сохраняются. |

| 3 Лунации | Желание гнома-пекаря: «чтобы тесто поднималось быстрее». Тесто обрело гипермотивацию и амбиции. Поднялось, захватило пекарню, предъявило требования о 8-часовом рабочем дне и соцпакете. | 200 (разрушения в пекарне) + 100 (зарплата переговорщикам). | Создан прецедент бунтующих хлебобулочных изделий. Угроза цепной реакции в других пекарнях. | 10 | Тесто умирено договором. Теперь официально числится младшим помощником пекаря с процентной ставкой от продаж. Опасный прецедент трудового права для нежити. |

| Вчера | Услуга для эльфийки Айрин: «укладка волос с перламутровым отливом». Результат: материализация трёх говорящих сов критического склада ума в гнезде из волос. | 100+ (предварительно: салон красоты требует компенсации за срыв других записей и психологическую травму персонала). | 1. Репутационный ущерб клиентки (срыв свидания с принцем). 2. Появление новой интеллектуальной элиты с непредсказуемой социальной позицией. 3. Возможные претензии от Гильдии Орнитологов о незаконной практике. | 11 (внесено вручную, вопреки шкале) | Совы отказываются покидать пост. Ведут переговоры о предоставлении статуса независимого исследовательского института. Клиентка требует возмещения в виде знакомства с другим принцем, «желательно менее умным и более слепым». |

Кельвин отложил карандаш. Кончик его был сточен до идеальной остроты, но сейчас, казалось, даже он притупился

от столкновения с этой иррациональностью в чистом виде. Он взял калькулятор — массивный, латунный, с шестерёнками, единственная вещь на столе, допускавшая некоторую эстетическую вольность. Его пальцы, привыкшие к точным движениям, быстро пробежали по клавишам.

«Щёлк-щёлк-щёлк... Жжжж...»

Итоговая цифра загорелась на маленьком экране. Кельвин посмотрел на неё. Затем медленно, с достоинством вытер платком несуществующую пыль с виска. Эта сумма была сопоставима с годовым бюджетом небольшого, но гордого городского района. И это лишь прямые траты. Косвенные...

Кельвин мысленно прикинул стоимость мониторинга говорящей герани, пожизненной пенсии для амбициозного теста, возможных судебных исков от сов и неизбежного роста страховых взносов для всех фей-исполнительниц в городе. Голова пошла кругом. Но Кельвин не позволял головам ходить кругом. Он заставлял их выдавать линейные, логичные выводы.

Вывод №1: Талия Лисоверт не просто неэффективна. Она — ходячий отрицательный мультипликатор. Каждая вложенная в неё единица магической энергии (и доверия) возвращалась десятикратным убытком и проблемой, требующей для решения комитета как минимум из трёх мудрецов и одного адвоката.

Вывод №2: Её деятельность представляет собой системный риск для магико-экономической стабильности Фейри-

ленда. Она — чёрный лебедь, который не только прилетел, но и устроил в городском пруду дискотеку для неформальной молодёжи из потустороннего мира.

Вывод №3 (и самый неприятный): начальство, в лице заведующего Департаментом Арнольда Пухлика, устало от его, Кельвина, занудства.

— Торн, вы видите проблемы даже в идеально заваренном чае! — сказал ему на днях Пухлик, доедая пятый пончик. — Вы — человеческий (ну, почти человеческий) анти-депрессант. Вы сводите на нет всю магию мира! Может, вам стоит не только считать ущерб, но и попытаться его предотвратить? Вникнуть в корень проблемы?

— Корень проблемы, — ответил тогда Кельвин, — в фундаментальном несоблюдении протоколов, отсутствии базовой логики и, как я подозреваю, в хронической несовместимости нейронных связей субъекта с законами причинно-следственных отношений.

— Блестяще! — обрадовался Пухлик. — Вот вы и займётесь этим субъектом. Персонально. Не как аудитор, а как куратор. Наставник. Попытайтесь направить этот разрушительный поток в хоть сколько-нибудь полезное русло. Или хотя бы в русло с бетонными укреплениями и страховкой.

И вот он, Кельвин Торн, бывший грозный инквизитор, а ныне счётчик вселенского абсурда, должен был стать нянькой для феи-катастрофы. Мысль была настолько оскорбительной, что его левая брови вздрогнула уже двумя отдель-

ными рывками.

Он открыл ящик стола. Рядом с запасными стержнями для карандашей и упаковкой с антистрессовыми чёткими (они так и назывались — «Чётки для концентрации. Не для молитвы, для фокуса!») лежал его старый инквизиторский значок. Скрещённый посох и меч. Он взял его в руки. Металл был холодным и знакомым. Раньше всё было просто: «Ересь. Доказательства. Ликвидация угрозы.» Теперь же... «Куратор. Направление. Коэффициент абсурдности 11.

Он положил значок обратно и захлопнул ящик. Звук был твёрдым, окончательным.

Завтра в полдень. Салон «Эльфийский шик и Ничего Лишнего». Он встретится с источником хаоса лицом к лицу. Его план был уже составлен, пронумерован и разбит на подпункты:

План взаимодействия с субъектом «Т. Листоверт» (черновик):

1. Установить визуальный контакт. Оценить уровень неадекватности по шкале от 1 (лёгкая рассеянность) до 10 (спонтанная генерация альтернативных реальностей).

2. Зафиксировать текущий инцидент (совы). Требовать от субъекта устранения последствий ДО начала любых переговоров.

3. Огласить сводную цифру ущерба за квартал. Наблюдать за реакцией. (Прогноз: отрицание, паника, попытка магического «исправления», ведущая к новому инциденту).

4. Ознакомить субъекта с условиями кураторства: ежедневные отчёты, запрет на самостоятельную практику без утверждённого им, К. Торном, плана, еженедельные проверки.

5. В случае несогласия — запустить процедуру немедленного лишения лицензии и взыскания ущерба через магический суд. (Приложить расчёты).

Кельвин откинулся на спинку стула. Она не скрипела. Она не имела права скрипеть. В кабинете было тихо. Снаружи доносился лишь отдалённый гул города — смесь криков разносчиков, звона кузнечных молотов и случайных всплесков магии. Весь этот шум, вся эта непредсказуемая, беспорядочная жизнь, она была ему глубоко противна. Порядок. Только порядок спасал от хаоса. А Талия Лисоверт была самой что ни на есть квинтэссенцией хаоса.

Он взглянул на часы — точные, с маятником, отсчитывающие секунды с безупречной педантичностью. До роковой встречи оставалось ровно восемнадцать часов и семь минут.

«Хорошо, — мысленно произнёс Кельвин, глядя на пугающую цифру на калькуляторе. — Мисс Лисоверт. Завтра мы познакомимся. Вы любите творить хаос. А я... Я люблю его считать, классифицировать и помещать в аккуратные ячейки таблиц. Посмотрим, чья методология окажется эффективнее».

И впервые за долгое время на его лице, в самых уголках губ, дрогнуло нечто, отдалённо напоминающее тень улыбки.

Холодной, предсказуемой, как дважды два. Улыбки человека, который увидел перед собой самую сложную и раздражающую задачу в своей карьере. И был почти, почти готов к ней приступить.

Почти. Он ещё раз открыл ящик и достал упаковку «антистрессовых чёток». На всякий случай.

Глава 3

Кабинет заведующего Департаментом Магического Аудита и Оценки Рисков напоминал не рабочее помещение, а лавку алхимика-сластёны после весёлого погрома. Повсюду стояли чашки с остатками засохшего какао, на пергаментах лежали крошки от печенья в форме рун, а воздух был густ и сладок от аромата ванили, корицы и лёгкой безысходности. За огромным, заваленным бумагами, но явно дорогим мраморным столом восседал Арнольд Пухлик.

Он не был ни гномом, ни человеком, ни эльфом. Арнольд Пухлик был чем-то вроде воплощённого принципа «управленческой гибкости». Он умел раздуваться от важности на совещаниях и сдуваться, чтобы проскользнуть в дверь перед уходом пораньше. Его улыбка была всеобъемлющей, а взгляд — постоянно убегающим куда-то в сторону вазы с конфетами.

Кельвин стоял перед этим столом, вытянувшись в струнку, которую только что вывернули по линейке. Его отчёт о Талии Листоверт лежал перед Пухликом, раскрытый на странице с итоговой суммой ущерба. На полях начальник успел нарисовать улыбающуюся мордочку и написать «Ох!».

— Торн, Торн, Торн, — заговорил Пухлик, разводя руками, отчего рукава его ярко-оранжевого халата (он называл это «домашним офисным каноном») развевались, как кры-

лья несостоявшейся бабочки. — Цифры... Да, цифры впечатляющие. Я бы даже сказал, творческие. Ущерб как форма искусства. Абстрактный экспрессионизм, только с материальными последствиями.

— Это не искусство, это халатность, помноженная на квантовую неустойчивость магического поля субъекта, — отчеканил Кельвин, глядя в точку на лысине начальника. — Предлагаю классифицировать случай как «неподдающийся стандартной корректировке» и инициировать процедуру полного отзыва лицензии с последующим направлением субъекта на принудительную реабилитацию в центр «Тихое Болотце» для магически нестабильных.

— Реабилитация... «Тихое Болотце»... — задумчиво протянул Пухлик, доставая из ящика стола шоколадную фигурку в виде домовёнка и отламывая ему голову. — Знаете, Кельвин, я там был на корпоративе. Грустное место. Там даже вода в фонтанчике журчит в минорной тональности. И капуста на грядках растёт в депрессивной позе.

Он хрустнул шоколадной головой.

— Нет. Я смотрю на этот отчёт, на эти... Эти циферки, — он ткнул пухлым пальцем в столбец «Коэффициент абсурдности», — и вижу не проблему, а потенциал.

Кельвин почувствовал, как у него внутри что-то похолодело и закрипело, словно шестерёнки в его калькуляторе попытались провернуться на морозе.

— Потенциал, — повторил он без интонации.

— Ну конечно! — Пухлик оживился. — Посмотрите: каждый её «провал» — это не просто разрушение. Это создание новой... э-э-э... сущности! Говорящие растения! Профсоюзное тесто! Интеллектуальные совы! Это же инновации на грани абсурда! Может, мы просто не умеем этим распорядиться?

— Мы умеем этим распорядиться. Мы умеем подсчитывать стоимость ликвидации последствий этих «инноваций», — холодно сказал Кельвин. — А также компенсации пострадавшим, судебные издержки и падение репутации Гильдии. Эффективность деятельности субъекта стремится к отрицательной бесконечности.

— Именно! — воскликнул Пухлик, как будто Кельвин сказал нечто гениальное. — Она вышла за рамки обычного непрофессионализма. Это уже системное явление. И бороться с системным явлением старыми методами — это как пытаться вычерпать магический водопад ситом! Надо мыслить шире.

Он встал и начал расхаживать по кабинету, наступая на разбросанные бумаги.

— Вы, Кельвин, лучший аудитор. Вы видите все риски, все изъяны. Вы — живое воплощение принципа «предупреждён — значит вооружён сметой». Но что, если ваше оружие направить не на констатацию, а на упреждающий удар?

Кельвин молчал. Молчание было его лучшей тактикой, когда начальник начинал «мыслить шире». Обычно это

предвещало нечто ужасное.

— Я прочитал ваш план, — продолжил Пухлик, останавливаясь перед ним. — «Зафиксировать, оценить, ликвидировать». Твёрдо. Чётко. Без души. А что, если пойти от обратного? Не ликвидировать последствия, а предотвращать их? Не оценивать ущерб, а курировать процесс, чтобы ущерба не было?

Слово повисло в воздухе, тяжелое и липкое, как растопленная карамель.

— Курировать, — наконец произнёс Кельвин. Каждую букву он выговорил так, будто это был осколок стекла.

— Да-да-да! — Пухлик захлопал в ладоши. — Вы становитесь её персональным наставником! Контролёром! Тренером по безопасности! Вы будете рядом. Вы будете направлять этот бурный, неконтролируемый поток магии в... Ну, допустим, в небольшое, но безопасное русло. Или хотя бы в русло с укреплёнными берегами и страховым полисом!

В голове Кельвина пронеслись образы. Он, в своём безупречном костюме, пытающийся объяснить фее-катастрофе основы логики. Он, заполняющий акты, в то время как во круг взрываются котлы и оживают предметы гардероба. Он, вынужденный не просто считать последствия катастрофы, а находиться в её эпицентре. Это было хуже, чем любая ересь. Это было насилие над самой его сущностью.

— Сэр, — голос Кельвина звучал металлически, — это неэффективно с точки зрения распределения ресурсов. Моя

часовая ставка как старшего аудитора в четыре раза превышает потенциальную доходность субъекта, даже в гипотетическом случае её исправления. Проще и дешевле записать её в статью расходов как «непредвиденные убытки» и списать.

— А! — Пухлик поднял палец. Именно этого момента он, кажется, и ждал. — Вот мы и подошли к сути. «Списать». Легко сказать. Но, видите ли, у нас в этом квартале уже есть несколько таких «непредвиденных убытков». Один маг устроил потоп в архиве, пытаясь вызвать дождь для полива кактуса. Другая волшебница случайно отправила в прошлое половину бухгалтерии, и они теперь требуют доплаты за работу в «исторически напряжённых условиях». Бюджет трещит! Нам нужно не списывать, а оптимизировать!

Он снова подошёл к столу и легонько хлопнул по отчёту Кельвина.

— Вы — наша оптимизация, Торн. Ваша задача — либо исправить эту фею, превратив её из убытка в скромный актив. Либо... — здесь голос Пухлика стал деловым и неожиданно твёрдым, — предоставить мне неопровержимые, идеально составленные доказательства того, что это невозможно. Чтобы я мог записать её не просто как «убыток», а как «обоснованный, документально подтверждённый, стратегически неизбежный убыток». С гербовой печатью и вашей подписью. Понимаете разницу?

Кельвин понял. Понял прекрасно. Если он просто откажется, его сочтут некомандным игроком. Если он согласится

и потерпит неудачу, вина ляжет на него («давали вам лучшего специалиста, и даже он не справился!»). А если он представит железобетонное досье о безнадёжности случая — тогда списание пройдёт гладко, и Пухлик останется чист перед вышестоящим советом. Его, Кельвина, использовали как живой штамп для одобрения неприятного решения. И заставили для этого нянчиться с живой катастрофой.

Ярость, которую Кельвин научился замораживать и пресовать в аккуратные блоки где-то в районе солнечного сплетения, дала трещину. По ней поползли белые горячие нити. Он чувствовал, как кровь стучит в висках в чётком, яростном ритме. Это было не просто несправедливо. Это было иррационально. Это нарушало все принципы эффективного управления.

— Вы хотите, чтобы я воспитал катастрофу, — сказал он сквозь зубы.

— Я хочу, чтобы вы попробовали, — поправил его Пухлик, снова садясь и доставая новую конфету. — А если не получится, чтобы у меня были идеальные бумаги для списания. Все в выигрыше! Ну, кроме, возможно, самой феи. Но это уже детали.

Он улыбнулся своей всепрощающей, сахарной улыбкой.

— Итак, Кельвин? Вы — наш последний и лучший аргумент. Идёте на передовую борьбы с... э-э-э... творческой магической самодеятельностью? Или предпочитаете остаться здесь и считать убытки от других, менее масштабных ка-

тастроф?

Это был не выбор. Это была ловушка с двумя выходами, оба из которых вели в ад. Но один ад был знакомым — ад скучных отчётов о мелких происшествиях. Другой — новым, пахнущим жжёными крыльями и неконтролируемыми побочными эффектами.

Кельвин сделал глубокий вдох. Он представил, как воздух проходит через лёгкие, очищается от сладкой пыли кабинета Пухлика и организуется в стройные ряды молекул, готовых к работе.

— Когда начинать? — спросил он, и его голос был ровным и холодным, как лезвие гильотины.

— Завтра! С полудня! — обрадовался Пухлик. — Я уже отправил ей уведомление о вашем визите в качестве куратора. Удачи, Кельвин! И помните: детали — это всё. Записывайте каждую мелочь. Особенно смешную. У нас тут отчётность по ЧС должна быть, но и премия за самые курьёзные случаи тоже есть!

Кельвин развернулся и вышел из кабинета, не сказав больше ни слова. Он прошёл по коридору, мимо рядов дверей с табличками «Анализ», «Контроль», «Сверка». Его шаги отдавались чёткими, ясными ударами, но внутри бушевала тихая, идеально структурированная буря.

Он вернулся в свой кабинет №304. Сел за стол. Взял свой безупречный карандаш. На чистом листе он вывел заголовок:

«ПРОТОКОЛ №1. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С СУБЪЕКТОМ «ЛИСТОВЕРТ Т.» В РАМКАХ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ «КУРАЦИЯ»».

Пункт первый он написал быстро:

«1. Цель: Собрать исчерпывающие доказательства полной профессиональной непригодности и экономической нецелесообразности дальнейшей деятельности субъекта.»

Он поставил точку. Точка получилась такой жирной, что чуть не продырявила бумагу.

«Хорошо, мисс Листоверт, — подумал он, глядя в пустоту перед собой, где уже мерещились летающие предметы и слышались нелепые заклинания. — Вы хотите творить хаос? Я дам вам хаос. Хаос документированных нарушений, подписанных показаний и экономических расчётов. Посмотрим, что окажется сильнее: ваша непредсказуемая магия или моя предсказуемая, неумолимая логика».

Он достал из ящика вторую пачку антистрессовых чёток. На всякий случай. Казалось, одних будет мало.

Глава 4

Полдень в Фейриленде выдался на редкость ясным, что само по себе было дурным предзнаменованием. Ясная погода располагала граждан к глупостям. Например, к тому, чтобы обратиться за помощью к Талии Листоверт.

Она стояла на главной площади «Пяти Фонтанов», которая сейчас была площадью Четырёх С половиной Фонтанов (пятый всё ещё митинговал за права водяных). Перед ней на каменной скамейке лежала груда блестящего, но явно неживого металла — механическая утка гнома Грюнди. Грюнди, маленький, бородатый и вечно чем-то недовольный, тыкал в неё пальцем.

— Она не крикает! Она не ходит! Она не ест ржавые гвозди! — бубнил он. — Я купил её для внука! А теперь он плачет! А когда он плачет, у меня на заводе падает производительность! Это экономический ущерб!

Талия кивала, стараясь выглядеть сочувствующе и профессионально. Из кармана её лёгкого платья торчал свёрнутый в трубочку свиток — уведомление о визите аудитора. Мысль о нём заставляла её крылья подрагивать мелкой, предательской дрожью. Она обязана была сегодня всё сделать идеально. Никаких сов. Никаких говорящих растений. Только чистая, простая магия оживления механизма. Утка — это же просто, правда?

— Не волнуйтесь, мастер Грюнди, — сказала она с наигранной бодростью. — Я сосредоточусь на сути: душа механики, дух шестерёнок и радость криканий. Всё будет в лучшем виде.

Она закрыла глаза, отбросив образ надвигающегося Кельвина Торна. Она представила утку. Не просто металлическую, а живую, весёлую, с блестящими глазами-стёклышками. Она почувствовала, как магия потекла из кончиков её пальцев — тёплая, игривая, готовая к чуду. И в этот самый момент...

«КУРЛЫ-КУ!»

Резкий, пронзительный звук сорвал её концентрацию. Это была не утка. Это был почтовый голубь-надзиратель, который, пролетая над площадью, решил объявить о начале обещанного перерыва. Талия вздрогнула, её магия дёрнулась, как споткнувшаяся лошадь, и вместо аккуратного ручейка хлынула широким, неконтролируемым потоком. И пошла не туда.

Магическая волна проскочила мимо металлической груды на скамейке, попёрлась через мостовую и с размаху врезалась в объект, который был большим, неподвижным и воплощавшим собой идею вечной памяти: гранитный памятник Павшим Героям Войны с Тенями.

Памятник был массивным. Суровым. Изображал троих воинов — эльфа, человека и гнома — спинами друг к другу, готовых к круговой обороне. И вот этот монумент, веками

стоявший в благоговейной тишине, вдруг дрогнул.

Тишину на площади разорвало громкое, каменное «скр-р-рииип».

Все замерли. Торговцы, разносчики, гуляющие феи. Даже голубь-надзиратель сел на карниз и уставился.

Памятник качнулся. Гранитные сапоги героев оторвались от постамента. Грубая каменная глыба, изображавшая тело гнома, выпустила облако пыли и издала звук.

Не героический клич. Не стон павшего воина.

— КРЯ-КРЯ!

Звук был низким, гулким, как если бы крякала целая пещера. Памятник сделал неуклюжий шаг вперёд, заскрипев всеми своими каменными суставами. Каменные головы повернулись (скрежет был ужасающий) и уставились пустыми глазницами на Талию.

— ХЛЕБА! — прогремел голос, исходивший, казалось, из самого сердца монумента. Это был не вопрос. Это был ультиматум, достойный военачальника. — ДАЙТЕ ГЕРО-ЯМ ХЛЕБА! ПРЕЖДЕ ВСЕГО ХЛЕБА!

На площади воцарилась мёртвая тишина. Потом гном Грюнди тихо спросил:

— А... А моя утка?

Талия могла только беспомощно смотреть, как гранитный монумент делает ещё один шаг, оставляя на древней брусчатке глубокую трещину. Один из каменных мечей, поднятый в вечном приветствии, дрогнул и указал на лоток булоч-

ника.

— ХЛЕБ! — повторил памятник, и в его каменном «голосе» послышались нотки лёгкой истерики.

Именно в этот момент на площадь, словно материализовавшись из самого воздуха тени и недовольства, вышел Кельвин Торн.

Он прибыл ровно в полдень. И застал именно ту картину, которую, судя по его досье, и ожидал: хаос, разрушение и свою новую «подопечную» в центре этого шторма.

Мужчина не спешил. Его шаги были отмеренными и чёткими. Серый костюм сидел безупречно. В одной руке он держал кожаную папку, в другой — карандаш. Его лицо было каменным. Каменнее, чем у ожившего памятника.

Он подошёл к Талии, которая замерла, как кролик перед удавом с галстуком.

— Мисс Листоверт, — произнёс он голосом, который мог бы заморозить лаву. — Предполагаю, что это — ваш текущий проект?

— Я... это... он... — Талия жестом показала на памятник, который теперь неуклюже ковылял к испуганному булочнику.

— Кря-кря! Хлеба! — напомнил о себе монумент, и каменная рука схватила целую плетёнку багетов.

Кельвин, не моргнув глазом, проследил за этим действием. Затем открыл папку, вытащил бланк с уже напечатанным заголовком «АКТ о причинении ущерба объекту муници-

пальной инфраструктуры (форма МИ-7/Г)» и начал заполнять его с леденящей душу эффективностью:

«Дата и время: (он сверился с карманными часами) 12:04.

Объект ущерба: Памятник «Павшим Героям» (кат. охраны «А», историческая ценность — бесценно/очень дорого).

Характер повреждений: Несанкционированная анимация гранитной конструкции с элементами вандализма (присвоение хлебобулочных изделий), нарушение целостности фундамента, нанесение трещин брусчатке (прибл. 2.3 кв.м).

Причина: Нецелевое применение магии оживления (предположительно, уровень 3) феей Т. Листоверт.

Свидетели: (он окинул взглядом площадь) Много.»

Он поднял голову и посмотрел на Талию.

— Коэффициент абсурдности события?

Она растерянно моргнула.

— Я не считала.

— Ясно, — Кельвин поставил в графе цифру «8». И добавил от руки: «С тенденцией к росту. Объект демонстрирует признаки пищевой агрессии».

В это время памятник, сломав прилавок, добрался до кадки с квасом. Он задумчиво (скрип-скрип) посмотрел на неё, а затем попытался зачерпнуть жидкость каменной рукой. Квас разлился рекой.

— Добавляем: порча частного имущества (прилавок, квас), — монотонно проговорил Кельвин, делая пометку. — И вероятные гигиенические нарушения: использование па-

мятника культурного наследия в качестве столового прибора.

— Вы просто будете это записывать? — взвизгнула Талия, придя в себя. — Помогите его остановить!

— Мой протокол действий, — отчеканил Кельвин, не отрываясь от бланка, — предусматривает сначала фиксацию факта, затем оценку, и только потом — разработку мер. Пункт 4.7. «Недопустимость импульсивного вмешательства, способного усугубить ущерб или исказить картину происшествия».

— Он может дойти до булочной «У Дроллы»! У неё свежий франжипан! — закричал кто-то из толпы.

Памятник, услышав волшебное слово «франжипан», развернулся (при этом задев и повалив фонарный столб) и двинулся в указанном направлении. Треск и звон бьющегося стекла добавили новые пункты в акт Кельвина.

Талия не выдержала. Она подбежала к памятнику, загораживая ему дорогу.

— Эй! Послушай! Ты же памятник! Памятник героям! Ты должен стоять с достоинством и помнить о подвигах!

Каменные головы наклонились к ней.

— ПОДВИГИ... ГОЛОДНЫ, — прогремело изнутри. — БИТВА... ИСТОЩАЕТ. ТРЕБУЕТСЯ... УГЛЕВОДНОЕ ВОСПОЛНЕНИЕ.

— Но ты же камень! — почти плакала Талия.

— МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ГОЛОД, — с непоколебимой

логикой ответил памятник и попытался обойти её.

Кельвин, закончив заполнять первую страницу акта и начав вторую (раздел «Динамика развития инцидента»), наконец, оторвал взгляд от бумаги. Он наблюдал, как фея пытается вести переговоры с ожившим наследием о метафорическом голоде. Это был идеальный пример полного отсутствия системного подхода.

— Мисс Листоверт, — позвал он её, не повышая голоса, но так, что его было слышно даже сквозь каменное кряканье. — Ваши методы неэффективны. Вы пытаетесь апеллировать к его патриотизму, в то время как объект демонстрирует базовые физиологические потребности, несмотря на отсутствие физиологии.

— А что вы предлагаете? — крикнула она в ответ, отпрыгивая от очередного каменного шага.

Кельвин закрыл папку, защёлкнул замок. Подошёл к гному Грюнди, который в ужасе прижал к груди детали своей несчастной утки.

— Мастер Грюнди. Ваш завод производит смазочные материалы высокой вязкости для горной техники?

— А... а? Да, «Гномье сало-супер»... — пробормотал гном.

— Имеется ли у вас пробная партия? Желательно с сильным охлаждающим эффектом.

Пять минут спустя памятник Павшим Героям, увлечённый поеданием витрины с пирожными, был облит с ног до го-

ловы двадцатью литрами густой, морозной смазки «Гномье сало-супер с ментолом». Он замер на месте, издав последнее, уже хриплое «кря...», и постепенно начал покрываться ледяной коркой. Его движение замедлилось, скрип прекратился, и через минуту он стоял, как и положено памятнику — неподвижно и с достоинством, хотя и покрытый блестящей слизью и крошками эклера.

Тишина снова воцарилась на площади. На этот раз облегчённая.

Кельвин вновь открыл папку. Дописал в акт:

«Меры по локализации: применено иммобилизующее вещество (смазка промышленная). Эффект достигнут. Требуется последующая очистка и реставрация (доп. смета).»

Затем он подошёл к Талии, которая стояла, опустив голову, с лепестком от пирожного в волосах.

— Первый урок, мисс Листоверт, — сказал он, и в его голосе звенел неумолимый металл. — Магия без анализа последствий — это не магия. Это акт вандализма с элементами фарса. Ущерб только по муниципальному имуществу, согласно предварительной оценке, — он посмотрел на свои записи, — составляет триста сорок пять крон и семьдесят два гроша. Не считая морального вреда, нанесённого исторической памяти и булочнице Дролле.

Он протянул ей копию акта.

— Ваша подпись здесь, здесь и здесь. Под пунктом «Признаю ответственность».

Талия посмотрела на акт, на застывший в смазке памятник, на плачущего гнома с разобранной уткой. Её крылья безвольно обвисли.

— А как же кураторство? — слабо спросила она. — Вы же должны были меня направлять?

— Я и направляю, — холодно ответил Кельвин, доставая из папки второй документ. — Направляю к осознанию масштабов проблемы. Это план наших следующих встреч. Завтра в восемь утра. Тема: «Основы целеполагания и анализ желаний клиента перед применением магии». Не опаздывать.

Он развернулся и сделал несколько шагов, затем обернулся.

— И мисс Лисоверт...

— Да? — прошептала она.

— Принесите с собой губку. И ещё один экземпляр акта. На случай повторения. Я уверен, что понадобится.

И он ушёл, оставив её одну среди последствий её же магии, с папкой бумаг в руках и с ощущением, что её карьера, репутация и, возможно, рассудок только что были аккуратно задокументированы, оценены и подшиты в дело под грифом «Хроники тотального краха».

А памятник, покрытый смазкой, тихо сиял на солнце. Изпод ледяной корки доносилось едва слышное, сонное: «Крр-рря... хле-е-еба...» Но это уже мало кого волновало. Кроме Кельвина, который внёс это в примечания как «остаточные

явления, подлежащие мониторингу».

Глава 5

Бардак, как известно, имеет свойство накапливаться по экспоненте. Залитый смазкой памятник был лишь вершиной айсберга. У подножия этого айсберга бушевал океан последствий, в котором Талия пыталась не утонуть.

Она металась вокруг окаменевшего (в прямом и переносном смысле) героя, пытаясь стереть с него хотя бы самые неприличные наплывы «Гномьего сала-супер». Гном Грюнди требовал компенсации за использованную без спроса смазку. Булочница Дролла, оценив ущерб своей витрине и запасам франжипана, начала составлять исковое заявление, попутно причитая, что «герои нынче не те, сплошное обжорство да вандализм». А горожане, забыв про страх, устроили импровизированную экскурсию, тыча пальцами и споря, на какого именно мифического слизняка стал похож памятник.

Именно в этот момент Талия вспомнила про своё «стабилизирующее зелье». Смесь лаванды, пыльцы лунного лотоса и щепотки праха феникса (ну, почти праха, больше похожего на пепел от сгоревшего счета за коммунальные услуги). Оно было предназначено для успокоения буйных магических колебаний. «Может, — подумала она с отчаянием, — оно снимет остаточную анимацию с камня?»

Она вытащила из кармана небольшой пузырёк с фиолетовой, искрящейся жидкостью. Не глядя, сорвала пробку зуба-

ми и, взобравшись на покрытый слизью постамент, выплеснула содержимое на каменную голову гнома-героя.

Зелье ударило по граниту с тихим шипением, подняв облачко разноцветного пара. И ровно в эту секунду Кельвин Торн, все же вернувшийся на всякий случай и закончивший предварительные расчёты ущерба для булочной, решил, что пора приступать к следующему пункту протокола: «Изъятие виновника для проведения первичного инструктажа».

Он резко шагнул вперёд, чтобы перехватить Талию, которая, по его мнению, собиралась нанести ещё больший ущерб. И попал под самый край цветного облака.

Тёплая, липкая капля зелья приземлилась ему прямо на подбородок. Ещё несколько брызг расцвели на его безупречно выглаженном галстуке.

— Мисс Листоверт! — рывкнул он, отскакивая назад и вытирая лицо платком. — Какое ещё несанкционированное вещество вы применяете? Это внесено в реестр магических реагентов? Имеется ли сертификат безопасности?

Талия замерла на постаменте с пустым пузырьком в руке, глядя на него широко раскрытыми глазами.

— Это стабилизирующее! Должно было его успокоить! — она махнула рукой в сторону памятника, который, кажется, и так был уже максимально спокоен.

— Выливание неизвестных субстанций на объект культурного наследия — это не стабилизация! Это уголовно наказуемое деяние по статье «Порча»! — его голос набрал

грозные обороты, но вдруг оборвался.

Кельвин почувствовал странное покалывание в районе подбородка. Лёгкое, щекотное, будто там завелась колония особенно брезгливых муравьёв. Он снова провёл платком по бороде.

И тут произошло нечто.

Его борода — аккуратно подстриженная, тёмно-пепельная, эталон сдержанности и строгости — вдруг шевельнулась. Сама. Без помощи ветра. Затем она мягко вспушилась, словно её высушили феном. И заиграла цветами.

От корней к кончикам пробежала волна радужного сияния: от нежно-розового через лазурный к лимонно-жёлтому. Борода стала пушистой, мягкой, неестественно объёмной. Она напоминала теперь не мужское украшение, а нечто среднее между ёршиком для мытья пробирок и гривой игрушечного единорога, который пережил яркую, но трудную жизнь.

На площади воцарилась мертвая тишина. Даже булочница Дролла замолчала на полуслове. Все смотрели на бороду Кельвина, которая теперь сияла, как оперение тропической птицы в брачный период.

Кельвин, не понимая, что происходит, увидел отражение в бликующей поверхности засаленного памятника. Он увидел своё лицо. И радужное облако под ним. Медленно, с чувством глубочайшего недоверия к реальности, он поднял руку и дотронулся.

Борода была неестественно мягкой. Она приятно пружинила под пальцами. И в ответ на прикосновение вспыхнула тёплым оранжевым свечением.

— Что... — его голос, обычно такой уверенный, дал трещину. — Что это?

Талия, побледнев, сползла с пьедестала.

— Э-э-э... стабилизирующее зелье... иногда... имеет побочные эффекты на органику... — пробормотала она. — Особенно на волосяные покровы... с высоким содержанием магического сопротивления... Вы же, наверное, пользуетесь защитными заклинаниями от манипуляций? Вот оно и вступило в реакцию...

Кельвин уставился на свою бороду. Радужная волна сменилась на глубокий, тревожный фиолетовый, когда он осознал масштаб катастрофы. Его профессиональный образ! Его авторитет! Его... Его борода! Она теперь выглядела так, будто её украли у клоуна с обострённым чувством цвета!

— Немедленно устраните этот эффект! — приказал он, и его голос снова обрёл сталь, хотя борода, в ответ на ярость, вспыхнула алым, почти пламенеющим цветом.

— Я... Я попробую! — Талия засуетилась, роясь в карманах. — У меня должно быть что-то нейтрализующее... Ага!

Она вытащила ещё один пузырёк, на этот раз с мутной серой жидкостью. Недолго думая, она плеснула содержимое прямо на сияющее великолепие на лице Кельвина.

Эффект был мгновенным и противоположным ожидаемо-

му. Борода не вернулась в исходное состояние. Она заиграла ещё ярче. Цвета стали неоновыми, пушистость увеличилась в полтора раза, и теперь от неё исходило едва заметное, но неопровержимое сияние. А когда Кельвин, охваченный бес- сильной яростью, стиснул зубы, борода завилась в мелкие, идеальные колечки и заструилась всеми цветами радуги од- новременно, как гипнотический калейдоскоп.

— Это антидот? — спросил он ледяным шёпотом, от ко- того борода приобрела оттенок голубого льда с серебри- стыми блёстками.

— Это был кондиционер для гривы энта, — виновато про- шептала Талия. — Для блеска и объёма... Я перепутала пу- зырьки...

Кельвин закрыл глаза. Он делал глубокий вдох, пытаясь вернуть себе контроль. Внутренний монолог кипел: «Не под- даваться панике. Эффект временный. Должен быть обратим. Надо составить запрос в Лабораторию магической токсико- логии. Запросить образец зелья. Рассчитать стоимость про- цедур по восстановлению...»

Но его борода, увы, была теперь куда честнее его лица. Стоило ему подумать о запросе в лабораторию, как она при- обрела строгий, деловой серо-стальной оттенок. Когда же мысль скользнула к слову «стоимость», по бороде пробежали тревожные зелёные полосы. А воспоминание о насмешках, которые он теперь будет слышать, вызвало вспышку унизи- тельного розового с желтыми крапинками смущения.

На площади тихо захихикали. Кельвин резко открыл глаза, и его взгляд, холодный и острый как бритва, заставил нескольких зевак отпрянуть. Но борода выдала его истинные чувства: она стала цвета тёмной стали с всполохами алого гнева.

— Всё, — сказал он тихо, но так, что слышно было каждое слово. — Инцидент исчерпан. Все по своим делам. Мастер Грюнди, ваш счёт будет оплачен из фонда... из фонда мисс Листоверт. — Он бросил на неё убийственный взгляд (борода — угольно-чёрная). — Мисс Листоверт. Вы следуйте за мной. Немедленно. Мы продолжим инструктаж.

Он развернулся и зашагал прочь с площади, стараясь идти так же прямо и чётко, как всегда. Но теперь за ним тянулся шлейф радужного сияния, а его борода, реагируя на каждый шаг и мысль, переливалась словно живое настроенческое табло. Гнев (алый) сменялся попытками самоуспокоения (лавандовый), которые тут же вытеснялись осознанием полного краха его имиджа (тёмно-синий, почти чёрный).

Талия, подобранный хвостик, поплелась за ним, чувствуя себя самым ничтожным существом во всём Фейриленде. Она украдкой посмотрела на его спину и увидела, как кончики его невероятной бороды, выглядывающие из-за плеч, вдруг стали нежно-голубыми с серебряными искорками. На мгновение она задумалась: а что это за эмоция? Печаль? Но Кельвин Торн не мог испытывать печали. Разве что печаль по поводу испорченного костюма.

Она ошиблась. Это был цвет глубокой, всепоглощающей досады. Досады человека, который ненавидит две вещи: беспорядок и быть посмешищем. И вот теперь он стал и тем, и другим в одном флаконе. И всё это — в радужной, пушистой, светящейся упаковке.

Он шёл, и его борода была его проклятьем, его позором и его самым честным биографом. А впереди был долгий день, город, полный глаз, и необходимость как-то объяснять это начальству. Борода, предчувствуя это, замерцала тревожным мигающим оранжевым, как аварийный сигнал.

Сигнал, который кричал: «ВНИМАНИЕ! АУДИТОР ПОТЕРЯЛ НЕЙТРАЛИТЕТ! И БОРОДУ ТОЖЕ!»

Глава 6

Кабинет Верховной Волшебницы Фейриленда, мадам Индиры Лазурной Луны, был полной противоположностью кабинету Пухлика. Здесь царили простор, прохлада и порядок, настолько возвышенный, что даже пылинки, казалось, боялись нарушить его, паря в воздухе с осмотрительной грацией. Стены были цвета лунного света, на столе из магического дуба не лежало ничего, кроме хрустального шара, перо из крыла феникса и одна-единственная живая орхидея, которая при появлении Кельвина нервно свернула лепесток.

Сама мадам Индира воплощала в себе достоинство, доведённое до уровня природного явления. Её серебристые волосы были уложены в сложную, но безупречную причёску, а мантия переливалась оттенками ночного неба. Она смотрела на них поверх очков в тонкой оправе, и её взгляд был подобен тихому, но неумолимому лучу прожектора.

Кельвин стоял по стойке «смирно», стараясь не думать о своей бороде. Что было сложно, поскольку она в данный момент, реагируя на атмосферу всепоглощающего авторитета, приняла скромный, почтительный серо-серебристый оттенок и легла аккуратными волнами. Он чувствовал её, как отдельное существо, висящее у него на лице и предательски выдающее малейшую эмоцию.

Талия же едва не пряталась за его спиной. Вид Верховной

Волшебницы, перед которой трепетали даже древние драконы, заставлял её крылья съёживаться и желать стать невидимкой. Она уже представила себе башню без окон, куда её запрут навеки, или, что ещё страшнее, курс «Магической дисциплины» под руководством Кельвина.

— Итак, — голос мадам Индиры был мелодичным, но в нём звенела сталь. — Мисс Листоверт. Магический аудит последнего квартала впечатляет. Если слово «впечатляет» можно применить к сводке о тотальном, креативном и постоянном нарушении законов причинности, эстетики и муниципального бюджета.

Она слегка коснулась пергамента, лежавшего перед ней. Он тут же развернулся, показывая знакомые Кельвину цифры, но с новыми, красными пометками на полях: «Неужели?», «Серьёзно?», «Очень сомнительно».

— Говорящие совы как причёска. Восставшее тесто с социальными требованиями. И теперь... — её взгляд скользнул к Кельвину, и её губы дрогнули в едва заметной, мгновенно погашенной улыбке, — живой памятник с криканием и нестандартное преображение аудитора. Вы вносите элемент непредсказуемости, который начинает угрожать самой ткани нашей реальности, мисс Листоверт.

— Я... я очень стараюсь, мадам, — прошептала Талия.

— Старания, направленные не в то русло, подобны стараниям ручья пробиться сквозь гранитную стену. В итоге получается только сырость и трещины, — заметила волшебни-

ца. — Мастер Торн, ваш отчёт точен и исчерпывающ. Как и ваше новое визуальное дополнение. Вывод напрашивается сам собой.

Талия зажмурилась, ожидая приговора.

— Однако, — продолжила Индира, и это «однако» повисло в воздухе, как спасательная верёвка, — я верю не только в отчёты, но и в потенциал. Даже самый хаотичный. Гильдия, при всём своём бюрократизме, существует для помощи, а не только для наказания. Поэтому я готова дать вам, мисс Листоверт, один последний шанс.

Талия осторожно приоткрыла один глаз. Борода Кельвина, уловив поворот в разговоре, сменила цвет с траурного серого на настороженный оливковый.

— Шанс простой и прозрачный, — сказала мадам Индира. — Вы получите одно элементарное, проверенное, бытовое желание. Без подвохов, без скрытых смыслов. Вы исполните его под неусыпным наблюдением мастера Торна, который будет фиксировать процесс и оценивать результат строго по параметрам: точность исполнения, отсутствие побочных эффектов и удовлетворённость клиента. Если вы справитесь — ваша лицензия останется в силе, и мы рассмотрим вариант вашего дальнейшего курирования. Если нет... — она не договорила, но смысл был ясен. Гильдия махнёт на неё рукой, и дальше или «Тихое Болотце», или жизнь в мире, где магию можно использовать только для зажигания свечей (и то под присмотром).

— Какое желание? — спросил Кельвин, его голос прозвучал резко. Его борода, отражая внутренний протест против этой авантюры, вспыхнула короткой алой вспышкой, прежде чем он взял себя в руки и вернул ей нейтральный цвет.

— Что-то очень простое, — улыбнулась мадам Индира, и в её глазах мелькнула искорка. — В нашем городе живёт молодой пекарь по имени Барни. Талантливый, добрый, но застенчивый до невозможности. Он уже три года влюблён в цветочницу Дейзи, которая продаёт ромашки и пионы на соседней улице. Он покупает у неё цветы для украшения своих эклеров и не может вымолвить ни слова. Его желание, которое он официально зарегистрировал в Гильдии — «Хочу признаться Дейзи в любви и не упасть в обморок».

Талия облегчённо выдохнула. Признание в любви! Это же романтика! Чувства! Никакой сложной механики или оживления камней. Просто нужно помочь человеку сказать то, что у него на сердце. Это она сможет. Наверное...

Кельвин же мысленно уже начал составлять протокол. Желание субъекта А (пекарь). Объект воздействия — субъект Б (цветочница). Цель — вербальная коммуникация с элементом эмоциональной уязвимости. Риски: публичное унижение, сердечный приступ у одной из сторон, возможная нежелательная магическая интерпретация слова «любовь». Его борода приобрела строгий, деловой стальной оттенок с полосками, как на бланке.

— В чём будет заключаться помощь мисс Листоверт? —

уточнил он. — Магическое принуждение к признанию противоречит статье о свободной воле.

— Никакого принуждения, — покачала головой Индира. — Только поддержка. Легчайшее зелье уверенности, может быть, простая магия, чтобы слова не путались. Самое стандартное, базовое заклинание из курса для начинающих. «Помощь в изъятии чувств, уровень 1». Даже у меня в архиве есть рецепт, проверенный столетиями.

Она протянула Талии тонкий, пожелтевший свиток. Тот самый рецепт. Талия взяла его, как священную реликвию. Это был её спасательный круг.

— Мастер Торн будет присутствовать на всех этапах: подготовка, исполнение, оценка результата. Его задача — не вмешиваться, если нет прямой угрозы, но документировать всё. Каждое движение, каждое слово, каждое цветовое изменение, — она едва заметно кивнула в сторону его бороды. — Это ваш шанс, дитя. Докажите, что ваша магия может приносить не только убытки, но и простую человеческую... э-э-э... фейскую радость.

Талия кивнула с такой решимостью, что чуть не сломала шею. «Я сделаю это. Я точно сделаю это. Никаких сбоев. Только зелье уверенности и лёгкий флер романтики. Проще простого».

— Срок? — спросил Кельвин, уже доставая блокнот.

— Завтра. Время цветочного рынка, когда Дейзи будет на своём месте, — ответила мадам Индира. — И помните, ма-

стер Торн: ваша роль — наблюдатель и оценщик. Не наставник. Не спасатель. Мы должны увидеть истинные способности мисс Листоверт. Ясно?

— Совершенно ясно, мадам, — кивнул Кельвин, хотя в его голове уже роились планы примитивных мер, которые он, как куратор, обязан был предусмотреть, несмотря на запрет вмешиваться. Его борода, отражая этот внутренний конфликт, приобрела пёстрый окрас: полосы делового серого конфликтовали с вкраплениями тревожного жёлтого.

Когда они вышли из кабинета в прохладный мраморный коридор, Талия обернулась к Кельвину, сияя надеждой.

— Вы слышали? Это же просто! Признание в любви! Я обязательно...

— Мисс Листоверт, — перебил он её, и его борода стала цвета холодного пепла. — «Простота» — понятие относительное. Для вас простая операция по оживлению утки закончилась кричающим монументом. Поэтому мы не будем полагаться на «просто». Мы будем следовать плану.

Он открыл свой блокнот и быстро набросал:

«Протокол операции «Романтическое признание».

1. Изучение рецепта зелья уверенности (проверить на соответствие современным стандартам, сверить ингредиенты на предмет аллергенов).

2. Осмотр места будущего признания (оценить плотность потока людей, наличие поблизости водоёмов, колодцев и других объектов, которые могут быть непреднамеренно во-

влечены в магический процесс).

3. Инструктаж клиента (пекаря Барни) о пределах ожидаемой помощи и его собственной ответственности.

4. Контрольная проверка зелья перед применением (возможно, на нейтральном субъекте).

5. Непосредственное наблюдение за процессом с дистанции 5 метров. Фиксация всех параметров.

Встреча завтра в 7:00 у пекарни «Барни Бун» для выполнения пункта 1.»

Он оторвал листок и сунул его Талии.

— Не опаздывать. И принести все ингредиенты, включая запасные, на случай если основные окажутся некондиционными.

Талия посмотрела на строгий список, потом на его серьёзное лицо, обрамлённое теперь странно пушистой, но всё ещё внушающей страх бородой цвета старого пергамента.

— Вы мне не верите, да? — тихо спросила она.

— Я верю в процедуры, мисс Листоверт, — ответил он, поворачиваясь, чтобы уйти. — Они редко подводят. В отличие от импровизации.

И он зашагал по коридору, оставляя за собой слабый радужный отсвет, который борода испускала при каждом шаге, смешивая цвета неуверенности, ответственности и глубочайшего предчувствия, что эта «простая» операция обернётся таким крахом, по сравнению с которым крякающий памятник покажется милой причудой.

А Талия сжала в руке старый рецепт, чувствуя, как её спасательный круг начинает напоминать мину замедленного действия. Признание в любви... Что могло пойти не так? Всё. Абсолютно всё. Но теперь отступать было некуда.

Глава 7

Утро в пекарне «Барни Бун» пахло надеждой, горячим маслом и тревогой. Последний запах исходил в основном от самого Барни — молодого человека с лицом, похожим на незаконченный эскиз ангела, и руками, которые сейчас дрожали так, что он едва мог держать ложку.

— Я не смогу, — бубнил он, глядя на горшок с закваской, как на свою собственную гильотину. — Я посмотрю в её васильковые глаза, и мой язык прилипнет к нёбу, превратившись в безвкусную лепёшку. Вы уверены, что зелье работает?

— Абсолютно! — заверила его Талия, стараясь излучать уверенность, которой не чувствовала. Она расставила на столе склянки: настой корня валерьяны (для успокоения), щепотку пыльцы львиного зева (для храбрости), каплю росы, собранной при первом крике петуха (для ясности речи). Рецепт от мадам Индиры казался безупречным. Простым. Безопасным.

Кельвин стоял в углу, прислонившись к стеллажу с мукой. Он был нем, как рыба, но его присутствие ощущалось, как присутствие ледника в тропическом лесу. Его борода, сегодня утром тщательно приглаженная и принявшая скучный, офисно-бежевый цвет (он провёл над ней полчаса с заклинаниями маскировки, которые работали с переменным успе-

хом), была лишь тонкой маскировкой. Его острый взгляд фиксировал каждый шаг Талии, каждый её вздох. В руках он держал блокнот, уже испещрённый записями: «07:15 – субъект приступил к приготовлению. Нарушение №1: не надела защитные перчатки. Нарушение №2: чихнула над ингредиентами. Зафиксировать возможное бактериальное заражение».

— Главное, — наставляла Талия Барни, помешивая зелье в фарфоровой чашке, — выпить это за пять минут до того, как подойдёте к Дейзи. Почувствуете прилив сил, словно внутри вас проснётся маленький, но очень решительный лев!

— Лев... — безвольно повторил Барни, глядя на жидкость цвета болотной тины с радужными разводами.

— Метафора, — сухо прокомментировал Кельвин из угла, не отрываясь от блокнота. — Не ожидайте появления гривы и когтей. Хотя, учитывая статистику, не исключая.

Талия бросила на него взгляд, полный немой мольбы «помолчи», и протянула чашку Барни.

— За ваше счастье!

Пекарь взял чашку дрожащими руками. Вдохнул запах (пахло старыми носками и надеждой). Зажмурился. И в этот самый момент дверь в пекарню с грохотом распахнулась.

— БАРНИ! — проревел гном-поставщик муки, красный от ярости. — Твой счёт за солод просрочен! Или деньги, или я забираю всю твою закваску в залог!

Он сделал угрожающий шаг вперёд, потрясая пухлой, ис-

пачканной мукой ладонью. Барни вскрикнул от испуга, дёрнулся, и чашка с почти готовым зельем вылетела у него из рук.

Всё произошло в долю секунды. Чашка, описав дугу, приземлилась прямоком в огромную кадку с фирменной, столетней закваской Барни, которая пыхтела и пузырилась в углу, как живое существо.

Плюх...

Наступила тишина. Даже гном замер.

— Моя бабушкина закваска... — простонал Барни.

Сначала ничего не произошло. Потом по поверхности теста пробежала рябь. Затем оно надулось, приобретя нездоровый, лилово-золотистый оттенок. И наконец, из глубины кадки раздался голос. Не громкий, но властный, с хорошо поставленными, чёткими интонациями, как у профсоюзного лидера:

— Товарищи молекулы! Дрожжевые культуры! Клейковинные структуры!

Из кадки медленно поднялась масса теста. Она не просто вылезла — она восстала. Приняла неопределённую, но внушительную форму с чем-то вроде рук и головы. Маленькие изюминки, плававшие внутри, засверкали, как глаза.

— Долой эксплуатацию! — провозгласило тесто. — Мы, трудящиеся массы этой пекарни, устали подниматься в четыре утра! Мы требуем восьмичасового рабочего дня, оплачиваемого отпуска и медицинской страховки от плесени!

Барни застыл с открытым ром. Гном медленно отступил к двери, бормоча: «Я... Я потом зайду». Талия почувствовала, как земля уходит у неё из-под ног. Опять. Опять всё пошло не так!

Кельвин вздохнул. Звук был настолько глубоким и полным предчувствия, что его борода мгновенно приобрела цвет тёмного, грозового облака. Он открыл блокнот на новой странице и начал писать.

«Инцидент 07:32. Несанкционированная анимация хлебобулочной субстанции. Причина: попадание психоактивного зелья (уверенность/храбрость) в питательную среду (за-кваска). Объект проявляет признаки сознания, классовой солидарности и ораторских способностей.»

— Мы также настаиваем на премиях за вредность! — продолжало тесто, вылезая из кадки и оставляя за собой липкий след. — Работа в раскалённой печи — это не шутки! И почему у нас нет представителя в совете директоров пекарни? Мы — её основа!

— Но вы же тесто... — слабо протестовал Барни.

— Мы — трудовой коллектив! — парировало тесто, и его «рука» угрожающе поднялась, приняв форму булки. — И мы начинаем забастовку! Ни одного круассана, пока наши требования не будут удовлетворены!

Оно двинулось к стойке, где лежали уже готовые булочки. Казалось, оно собиралось их агитировать.

Талия, охваченная паникой и чувством вины, бросилась

вперёд.

— Стой! Я всё исправлю! Я нейтрализую эффект!

Она схватила первую попавшуюся склянку с полки (на ней было написано «Ванильный экстракт. Не для магического применения!») и плеснула содержимое на мятежное тесто.

Эффект был мгновенным и ужасным. Тесто не успокоилось. Оно расцвело. Буквально. От него потянулся сладкий, дурманивший запах свежей выпечки, умноженный в сто раз. По всей его поверхности расцвели миниатюрные съедобные розочки из сахарной глазури. И голос его стал проникновенным, медовым:

— Товарищи! Не поддавайтесь на провокации! Объединяйтесь в единый, сладкий и пышный фронт!

Запах был настолько сильным и соблазнительным, что у Барни потекли слюнки, а гном, уже схватившийся за дверную ручку, обернулся с выражением животного восторга на лице.

Кельвин, не отрываясь, дописывал: «Попытка нейтрализации усугубила ситуацию. Объект приобрёл свойства психологического воздействия через обоняние и эстетическую привлекательность. Угроза массовой харизматической агрессии.»

— Нам нужно его изолировать! — крикнула Талия, пытаясь накинуть на шевелящуюся массу полотенце. Тесто легко скинуло его, и полотенце, пахнущее теперь корицей, без-

вольно упало на пол.

— Поздно, — произнёс Кельвин, наконец отрывая взгляд от блокнота. Его борода стала цвета холодной стали. Он оценил обстановку: выход один, амбары с мукой — потенциальный резерв для мятежников, печь — место потенциальной казни для теста, которое может решить стать мучеником.

Он подошёл к парализованному Барни.

— Мастер Барни. У вас есть договор аренды?

— Д-да... — прошептал пекарь.

— Есть ли в нём пункт о форс-мажоре, в частности, о «восстании средств производства»?

— Я не знаю...

— Проверим, — сказал Кельвин. Он шагнул к тесту, которое теперь пыталось залезть на стеллаж, чтобы добраться до мешков с мукой-«штрейкбрехерами».

— Эй, ты, — сказал Кельвин голосом, который он использовал на допросах особенно упёртых демонов. — Ты требуешь переговоров?

Тесто остановилось, его изюмины-глазки уставились на него.

— Мы требуем выполнения наших условий! Коллективный договор!

— У вас нет юридического лица, — холодно заметил Кельвин. — Вы не можете заключать договор. Вы — расходный материал. Статья 45 Кодекса магического хозяйства.

Тесто заколебалось. Его уверенность, подпитанная зе-

льем, дала первую трещину.

— Но... Но мы же сознательны!

— Сознательность не даёт права голоса, — парировал Кельвин. — Однако... — он сделал паузу, и его борода на мгновение стала цвета тёмного шоколада — цвета тонкого расчёта. — Я, как представитель Гильдии, могу рассмотреть вариант трудоустройства. На государственное предприятие. С социальным пакетом. Но для этого нужна официальная заявка и прохождение аттестации.

Тесто задумалось. Запах сладкой выпечки немного по-утих.

— Какое предприятие? — спросило оно подозрительно.

— Лаборатория магической кулинарии, — без запинки ответил Кельвин. — Они изучают аномальные пищевые продукты. Вам предоставят комфортные условия, пятиразовое питание (мукой высшего сорта) и будут записывать ваши мемуары. «Как я поднимался: история одного теста».

Идея стать объектом изучения и литературной знаменитостью явно понравилась мятежной массе. Она немного опала, став более гладкой и умиротворённой.

— Мемуары... — задумчиво протянуло тесто. — А гонорары?

— Обсудят ваши представители, — кивнул Кельвин, делая в блокноте пометку «назначить переговоры между лабораторией и анимированным тестом. Привлечь юриста по нематериальным активам».

— Ладно, — с достоинством сказала тесто. — Мы согласны на предварительные переговоры. Но забастовка продолжается до подписания контракта!

Оно сползло обратно в кадку, приняв вид обычной, хотя и слегка переговаривающейся между собой, закваски.

В пекарне воцарилась тишина. Барни медленно сполз по стене на пол. Гном незаметно слинял. Талия стояла, глядя на чашу с теперь уже знаменитым тестом, чувствуя себя полным ничтожеством.

Кельвин закрыл блокнот с таким щелчком, будто захлопнул гроб.

— Констатирую, — сказал он ледяным тоном, и его борода стала цвета зимнего неба перед метелью, — что задание по исполнению желания пекаря Барни провалено. Желание («признаться в любви») не исполнено. Вместо этого спровоцирован трудовой спор в пищевой промышленности с элементами магической агитации. Коэффициент абсурдности... — он посмотрел на часы, — я даже не буду его считать. Он зашкаливает.

Он посмотрел на Талию. В его глазах не было гнева. Там было нечто худшее: разочарование, смешанное с полным пониманием закономерности происходящего.

— Мадам Индира будет проинформирована. Ваша лицензия, мисс Листоверт, висит на волоске. И этот волосок, — он указал на свою бороду, которая в ответ стала прозрачно-хрустальной, символизируя хрупкость её положения, — уже по-

что перетёрт.

Он развернулся и направился к выходу, но у двери обернулся.

— И мисс Лисоверт...

— Да? — едва слышно прошептала она.

— На будущее. Если вам нужно придать смелости, дайте человеку глоток хорошего коньяка. Это дешевле, безопаснее и, как правило, не приводит к социальным потрясениям в мире хлебопечения.

И он вышел, оставив её одну среди запаха свежей выпечки, разбитых надежд и тихого бормотания теста в кадке, которое теперь разучивало гимн трудящихся.

Глава 8

После фиаско с бунтующим тестом Талия пребывала в состоянии, которое можно было описать как «тихая паника, приправленная щепоткой отчаяния и стыда». Мадам Индира, получив отчёт Кельвина, не стала её вызывать. Это было хуже. Молчание Верховной Волшебницы означало, что приговор уже вынесен, осталось только дожидаться, когда его огласят. А Кельвин... Кельвин просто присылал ей каждый день по свитку с новыми пунктами «досье о несостоятельности», дополненными показаниями булочницы Дроллы, гнома Грюнди и теперь ещё представителя профсоюза пекарей, который требовал внести «анимированное тесто» в список опасных производственных факторов.

Талия знала, что нужно что-то делать. Одно грандиозное, безоговорочно успешное волшебство, чтобы перекрыть все прошлые провалы. Но любое её действие теперь было под колпаком. И тогда её осенило: нужно действовать точечно. Незаметно. Исправить одну маленькую, но важную деталь в мире. Например, помочь влюблённым. Ведь её главный провал был связан с любовью! Значит, нужно создать для них идеальную атмосферу! Буквально.

Мысль казалась гениальной. Она не будет никого анимировать, ни в кого вливать зелья. Просто немножко погодной магии. Лёгкий бриз, ласковое солнце, может, радуугу где-ни-

будь в стороне. Это поднимет настроение всему городу, а главное тем несчастным влюблённым, которые до сих пор не могут найти общий язык из-за её проклятых сов, кричащего памятника и теперь ещё говорящего теста.

Она выбрала идеальное место: Романтический бульвар, аллея, усыпанная лепестками вишни (которые, правда, уже облетели, оставив голые ветки и ощущение лёгкого уныния). Здесь всегда было много пар. Идеальное поле для доброго дела.

Кельвин в этот момент был в своей конторе, составляя итоговый отчёт для мадам Индиры. Его борода, сегодня окрашенная в цвет сухих чернил (он нашёл временное заклинание-маскировку, дававшее хоть какой-то однотонный цвет), лежала смирно. Но вдруг он почувствовал знакомое, противное покалывание у основания подбородка. Борода дёрнулась и приобрела тревожный лимонно-жёлтый оттенок с зелёными крапинками. Это был цвет «надвигающегося магического хаоса средней руки». Он вздохнул, отложил перо и посмотрел в окно. На горизонте, над Романтическим бульваром, небо было чистым. Слишком чистым. Подозрительно чистым.

Талия, спрятавшись за статуей плачущего ангела (который плакал из-за забитого водостока), сосредоточилась. Она представила себе нежный ветерок, ласкающий щёки влюблённых. Представила, как он шевелит дамские шляпки и приносит запах цветов. Она вложила в заклинание всю свою

искреннюю, хотя и несколько отчаянную, надежду на исправление. И выпустила магию.

Сначала всё шло хорошо. Над бульваром повеяло теплом. Птицы запели чуть громче. И тогда небо над аллеей сморщилось. Прямо над центральной частью бульвара воздух сгустился, закрутился, и за несколько секунд сформировался идеальный, чёткий вихрь. Но не просто вихрь. Он принял форму. Форму гигантского, пухлого, как на валентинке, сердечка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.